

УДК: 811.512.212, 81.34

О. Н. Морозова, Т. В. Кравец

Амурский государственный университет

Фонетический портрет селемджинских эвенков*

В статье представлен опыт создания фонетического портрета группы компактно проживающих эвенков с. Ивановское Селемджинского района Амурской области, а также дисперсно проживающих в своих охотничьих угодьях на территории Мазановского района эвенков рода Каңаи. В работе выявлена разнородность речи селемджинских эвенков, тем не менее, звуковые различия родовых групп (Бута, Эдян, Лалигир (Лалэгэрдар), Кумкада, Каңаи, Мэңэмну (Моңо), представляющих состав эвенкийского населения в национальном селе, невелики. Специфика устной речи селемджинских эвенков состоит в «аканье» (а-акценте), что относит их говор к восточному наречию эвенкийского языка. Род Каңаи наиболее активно пользуется языком в повседневном общении, артикуляции представителей рода свойственна апикальность, реализация плоскощелевого согласного /s/, что придает их речи «шекающий» характер. При анализе языковой структуры селемджинского говора учитывался фактор влияния якутского и русского языков. Яркие черты взаимовлияния родного эвенкийского и русского языков уже отчетливо заметны в национальной речи селемджинских эвенков старшего поколения. На звуковом уровне следует отметить веляризацию бокового сонорного /l/, сосуществование переднеязычного палатализованного смычного [tʲ] и переднеязычного палатализованного аффрицированного [tʃʲ] аллофонов для фонемы /tʃ/. Черты якутской фонологической системы в речи селемджинских эвенков проявляются в сильной огубленности заднерядных гласных /u:, o:/. Русско-якутский акцент в речи селемджинских эвенков можно охарактеризовать как стабильный, так как он зафиксирован у большинства участвующих в записи дикторов. В ходе работы описаны дифференциальные признаки согласных и гласных фонем, выявлена дистрибуция фонем в анлауте, инлауте и ауслауте слова, получены динамические спектрограммы, демонстрирующие реализацию аллофонов согласных и гласных селемджинского говора эвенкийского языка. В отношении гласных рассматривается их формантная картина в проекции первой и второй формант, длительность долгих и кратких гласных. Акустические характеристики долгих и кратких гласных селемджинского говора позволяют констатировать их различие по качеству, что не совпадает с ранее полученными данными литературных источников. В отношении согласных фиксируется отсутствие придыхания у смычных глухих, основным признаком для различения пар /p-b/, /t-d/, /k-g/ является поведение голосовых связок.

* Исследование поддержано грантом РФФИ 17-04-12004в.

Морозова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, заведующая кафедрой.

Контактная информация: ул. Игнатьевское шоссе, д. 21, г. Благовещенск, 675028, Российская Федерация, e-mail: morozova_olga06@mail.ru, тел.: (4162)394585.

Кравец Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО Амурский государственный университет.

Контактная информация: ул. Игнатьевское шоссе, д. 21, г. Благовещенск, 675028, Российская Федерация, e-mail: t_kravets@mail.ru, тел.: (4162)394585.

Ключевые слова: фонетический портрет, селемджинский говор эвенкийского языка, гласные, согласные, акустические характеристики.

Целью данной статьи является создание фонетического портрета носителей селемджинского говора эвенкийского языка – эвенков, проживающих в Селемджинском районе Амурской области Дальневосточного Федерального округа Российской Федерации. Для выявления фонетических характеристик, присущих селемджинскому говору, было предпринято экспериментально-фонетическое исследование, материалом которого послужили списки изолированно произнесенных слов и спонтанная речь шести дикторов (см. приложение), для которых эвенкийский язык является родным, постоянно используется в кругу семьи и родственников. Актуальность данной работы связана с проблемой возрождения исчезающих языков и сохранения информации по языковому разнообразию и культурно-историческим ценностям человечества, а также разработки звуковых фондов на материале исчезающих языков.

Селемджинские эвенки проживают на северо-востоке Амурской области в горно-таежной местности, приравненной к территориям Крайнего Севера. В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», местом компактного проживания селемджинских эвенков считается с. Ивановское Селемджинского района Амурской области. По данным статистики Ивановского Сельсовета на 01.01.2016 г. в с. Ивановское проживало 396 чел., из них – 322 эвенка (81,5 %) шести эвенкийских родов (Бута, Эдян, Лалигир (Лалэгэрдар), Кумкада, Каңәи, Мэңэмну (Моно) в порядке убывания количества представителей каждого рода). Эвенкийских родов Аингкагир, Бэтум [Василевич, 1958, с. 576, 577], Бэтуң, Буллот [Болдырев, 2013, с. 11], проживающих на территории Селемджинского района Амурской области, не зарегистрировано.

Селемджинский говор относится к селемджинско-буреинско-урмийскому диалекту восточного наречия эвенкийского языка северной ветви тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи [Булатова, 1987, с. 81-87]. Предки проживающих ныне в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области эвенков – это эвенки ранее существовавшего в Амурской области пос. Якутская стойба и переселившаяся часть эвенков из Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края. При этом эвенки пос. Якутская Стойба были эвенкийско-якутскими билингвами. Прибывшие в с. Ивановское тугуро-чумиканские переселенцы – только эвенкоязычными. В силу смешения населения эвенкийский язык села характеризуется разнородностью.

К селемджинскому говору мы также относим язык эвенков рода Каңәи (численность рода на февраль 2017 г. составляет 18 чел.), отдельно проживающих на территории Мазановского района в своих охотничьих родовых угодьях. Между эвенкийским родом Каңәи и эвенками с. Ивановского существовали и существуют постоянные связи, между ними заключались брачные союзы, производился обмен оленями и т. п. Эвенки рода Каңәи (семьи Яковлевых и Стручковых) изначально проживали по р. Норе и ее притокам. Среди населения эту обособленно живущую группу эвенков принято называть «эвенками норской группы» или «единоличниками». Имея прописку в селах Майское, Новокиевский Увал, Дугда, норские эвенки предпочитают жить в местах, исконно принадлежащих их предкам, на северо-востоке Мазановского района в тайге, находящейся за Норским заповедником, а именно, по берегам рек Нора, Желтула, Асмакан, Эгор.

По своим фонетическим характеристикам селемджинский говор характеризуется как сибилантно-спирантный на основании дистрибуции (распределения) глухих щелевых согласных *c/h*, подчиняющихся следующему правилу реализации: в начальной позиции встречается как переднеязычный *c*, так и фарингальный *h* (например, *сулаки* ‘лисица’, *нокто* ‘дорога’), в интервокальной позиции слова реализуется только фарингальный *h* (*аһи* ‘женщина’) [Константинова, 1964, с. 4].

Своеобразие звукового строя селемджинского говора эвенкийского языка проявляется в отличном от литературного эвенкийского произнесения долгого гласного /э:/, который в речи селемджинских эвенков приобретает а-образный характер. Данная диалектная фонетическая черта свойственна большинству восточных говоров эвенкийского языка, благодаря чему восточные эвенкийские говоры в некоторых литературных источниках по эвенкийскому языку получили название «акающих» диалектов.

При анализе языковой структуры селемджинского говора необходимо учитывать фактор влияния якутского и русского языков. Яркие черты взаимовлияния родного эвенкийского и русского языков

уже отчетливо заметны в национальной речи селемджинских эвенков старшего поколения. На звуковом уровне следует отметить веларизацию бокового сонорного /l/, сосуществование переднеязычного палатализованного смычного [tʲ] и переднеязычного палатализованного аффрицированного [tʃ] аллофонов для фонемы /tʃ/. Черты якутской фонологической системы в речи селемджинских эвенков проявляются в сильной огубленности заднерядных эвенкийских гласных /u:, o:/. Русско-якутский акцент в речи селемджинских эвенков можно охарактеризовать как стабильный, так как он зафиксирован у большинства участвующих в записи дикторов.

В ходе изучения социолингвистической ситуации у селемджинских эвенков Амурской области были выявлены обстоятельства, определяющие усвоение эвенкийскими детьми черт артикуляционного уклада, свойственного русскоязычному населению. Артикуляционно-акустическая база как динамический стереотип, видоизменяясь, передается из поколения в поколение в своих существенных чертах до тех пор, пока этнос сохраняется как компактная общность [Селютина 2011, с. 14]. Известно, что освоение артикуляционно-акустической базы происходит у ребенка в возрасте от девяти месяцев до двух лет в процессе общения с матерью (другим воспитателем). Позднее же – от двух до пяти лет – присущий этносу динамический стереотип артикуляционно-акустических привычек закрепляется в сознании на всю жизнь. Многочисленные исследования артикуляторных баз этносов Сибири и сопредельных регионов, проводимые Лабораторией экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН, демонстрируют факт социальной природы артикуляционно-акустической базы этноса, нежели биологической. Данное обстоятельство говорит об определяющей в формировании артикуляционно-акустической базы роли окружающей ребенка социальной среды, а не особенностей речевого аппарата представителей этноса [Селютина 2011, с. 16].

Так, в 70-е гг. прошлого столетия на территории с. Ивановского Селемджинского района Амурской области начинает работу детский комбинат для эвенкийских детей (аналог современного комбинированного детского сада-яслей), где малыши с двухмесячного возраста круглосуточно находятся в течение пяти дней в неделю. Только в выходные у родителей была возможность провести время с ребенком в кругу семьи. Персонал в Ивановском детском комбинате, а затем в средней общеобразовательной школе, состоял из смешанного русскоязычного и эвенкоязычного населения. Важно отметить, что общение воспитателей и учителей с детьми и обучение в школе осуществлялось на русском языке. Эвенкийский язык в школе преподавался только на начальном этапе – со второго по четвертый класс [Морозова, 2015, с. 75]. Согласно данным анкетирования, проведенного в июле 2011 г. 52-53-летние представители селемджинского говора эвенкийского языка ещё обладают связной речью на эвенкийском языке, 45-летние селемджинские эвенки, воспитывающиеся в детских комбинатах, уже не говорят на родном языке, хотя знают много отдельных эвенкийских слов, используемых в традиционной хозяйственной деятельности.

Кроме того, необходимо констатировать, что фонетическая сторона исконно эвенкийской лексики, характеризующей традиционный уклад жизни, в речи среднего и молодого поколений селемджинских эвенков претерпела значительные изменения. Это касается в первую очередь, артикуляционного уклада произносительных органов, который характеризуется своей дорсальной природой в отличие от свойственной эвенкийскому языку апиальной (кончик языка при производстве речи поднят к верхним альвеолам). По нашим данным, около 8 человек старшего поколения из 330 жителей села (2% всего населения) сохраняет национальный апиальный уклад артикуляции. Произнесение дорсальных эвенкийских согласных вместо апиальных на слух малозаметно. Однако этот незаметный перенос в эвенкийскую речь типичных произносительных особенностей русского языка говорит о смене у современных эвенков языковых механизмов производства и восприятия родной речи.

Инвентарь согласных фонем селемджинского говора включает 18 фонем, примыкая к языкам консонантного типа: количество эвенкийских согласных достигает 62 % всего фонемного инвентаря (18 согласных при 11 гласных). В фонологической системе согласных селемджинского говора эвенкийского языка (табл. 1) существуют две основные противопоставляющие друг другу категории – шумные *p, b, t, tʲ (t'), d, d', k, g, s, h* и сонанты *m, n, n', ŋ, β, l, j, r*. В категории шумных имеются две оппозиции – смычные *p, b, t, t', d, d', k, g* и щелевые *s, h*. Все смычные представлены парами – глухой и звонкий, фонологическое противоположение этих пар состоит в наличии или отсутствии голоса. Признак придыхательности уже не является для эвенкийских шумных смычных согласных релевантным (ср. [Матусевич, 1960, с. 134]). Вывод о признании ведущим признаком для различения пар /*p-b*/, /*t-d*/, /*k-g*/ поведение голосовых связок также сделан в работе [Сравнительное ..., 2013]. Шумные щелевые в противоположность смычным не имеют звонких параллелей и имеются в количестве двух согласных *s* и *h*. Фонологический статус согласных *s* и *h* является спорным вопросом эвенкийской фонологии. В группе сонантов все согласные представлены одиночно, без глухих параллелей: *m, n, n', ŋ, β, l, j, r*.

Внутри категории сонантов можно различить группы смычных *m, n, n', ŋ*, щелевых *β, l, j* и дрожащий *r*. Необходимо отметить, что в речи некоторых селемджинских эвенков не зарегистрировано аффрикат, в частности *tʃ'* (на письме передаваемой буквой ч), как это имеется в томмотском говоре, например, /tʃ'a:lba:n/ ч̄лб̄ан 'береза', /tʃ'a:/ ч̄а 'черный коршун' и др. [Андреева, 1988, с. 42]. В соответствующих позициях реализуется переднеязычный смычный палатализованный *t'*, что было подтверждено в лаборатории экспериментальной фонетики Амурского государственного университета двумя экспертными группами, проводившими записи речи от носителей селемджинского говора эвенкийского языка (август 2011, декабрь 2012).

Таблица 1

**Артикуляционная классификация согласных фонем
в селемджинском говоре эвенкийского языка**

По месту образования По способу образования		По месту образования				
		Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Фарингальные
Шумные	Смычные	p b	t d tʃ' (t') d'	-	k g	-
	Щелевые	-	s	-	-	h
Сонанты	Смычные	m	n n'	-	ŋ	-
	Щелевые	β	l	j	-	-
	Дрожащие	-	-	r	-	-

Артикуляционное описание согласных звуков селемджинского говора эвенкийского языка

/p/ – шумный смычный губно-губной глухой согласный (рис. 1, 7, 8). Его произнесение начинается с губной смычки, за которой следует слабый взрыв. Однако иногда наблюдается и другая картина: при реализации /p/ имеется постепенный выход воздушной струи, иначе говоря, отсутствие смычки, заканчивающейся взрывом, и наличие щели. Согласный /p/ встречается во всех позициях: /po:ta/ 'сумка', /tʃu:pa/ 'каша', /badapki:/ 'сухая ветка', /tapkami:/ 'аплодировать', /urupsz/ 'весело', /dʒlʀzkzmi:/ 'колоть дрова', /argulmi:/ 'махать', /dʌmpan/ 'палатка', /lampi:/ 'упряжь', /szp/ 'инструмент' [Морозова, 2015, с. 121]. В речи селемджинских представителей рода *Бута* губно-губной глухой смычный /p/ широко варьирует. Этой вариативности способствуют: 1) ослабление смычки, ослабление взрыва и сокращение его по времени; 2) потеря придыхания; 3) озвончение под влиянием гласного контекста; 4) имплозия (отсутствие размыкания артикулирующих органов, в данном случае губ).

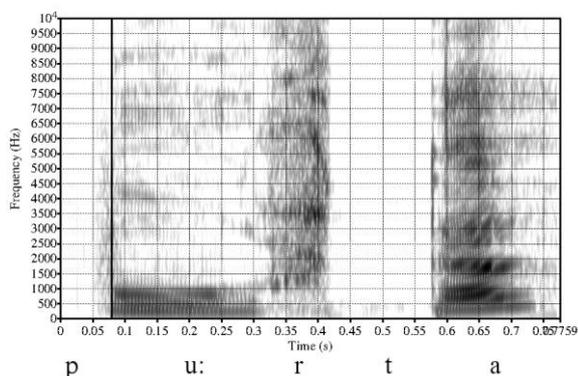

Рис. 1. Слово /pu:rtɑ/ 'длинный нож' (D2)
Fig. 1. Word /pu:rtɑ/ 'a long nife' (D2)

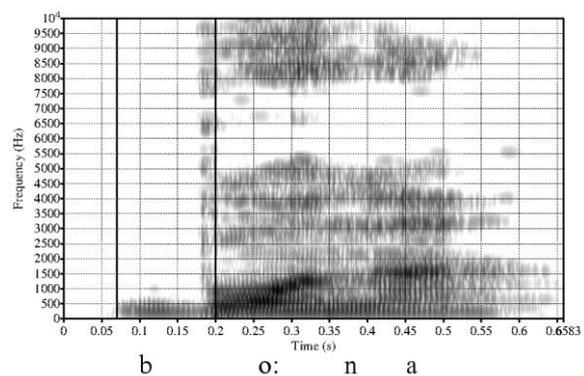

Рис. 2. Слово /bo:na/ 'месяц' (D3)
Fig. 2. Word /bo:na/ 'moon' (D3)

/b/ – шумный смычный губно-губной звонкий согласный (рис. 2,16). Согласный /b/ встречается в позициях начала слова и середины слова: /bʒi:re:/ 'мурашки по коже', /o:n bi:dʒn:i/ 'как живешь?',

/boloni:/ ‘осень’, /abulmi:/ ‘обессилеть’, /abulʃa:/ ‘голод’, /abdu:/ ‘животное’, /dolbohik/ ‘волк’, /dolbonmo:n/ ‘сегодня ночью’, /arbagas/ ‘шуба меховая’, /tarbak/ ‘перчатки’, /sirba/ ‘уха’, /korbz:/ ‘бык племенной’, /a:lʙuka/ ‘мох простой’ [Булатова, Морозова, Стручков, 2017]. Конечного /b/ в селемджинском говоре нет. В сочетании /b/ с последующим шумным смычным звонким согласным регистрируется частичная либо полная потеря взрыва (имплозия). В речи селемджинских представителей родов *Каңай* и *Эдян* щелевых аллофонов фонемы /b/ не зафиксировано. У *Бута* менее плотная смычка перед гласными заднего ряда /o, u/. Более того, в речи одного и того же представителя *Бута* отмечено свободное варьирование /b/ и /β/ в одном и том же слове, например: /abdun/ – /aβdun/ ‘берлога’.

/m/ – губно-губной смычный носовой звонкий сонант (рис. 3, 4, 27-34). При его произнесении губы смыкаются, поток воздуха выходит из полости носа, голосовые связки вибрируют. Обладает высокой частотностью. Встречается во всех позициях реализации: /mo:/ ‘дрова’, /mi:gz/ ‘февраль’, /a:ma:/ ‘спать хочется’, /dʒmo:/ ‘есть хочется’, /dʒmzre:/ ‘надоело’, /umnz:/ ‘однажды’, /dʒampan/ ‘накомарник’, /kumkz:n/ ‘жук’, /anʒanma:n/ ‘в этом году’, /inʒnmz:n/ ‘сегодня’, /diram/ ‘толстый’, /dʒalum/ ‘полный’, /ɲonim/ ‘длинный’. При реализации /m/ размыкание губ происходит плавно, во всех случаях за редким исключением резкого взрыва не происходит. Конечный /m/ никогда не имеет взрыва (он имплозивен). Глухих смычных и звонких щелевых аллофонов /m/ в позиции конца слова на нашем материале не зафиксировано (ср. [Матусевич 1960, с. 154-155]).

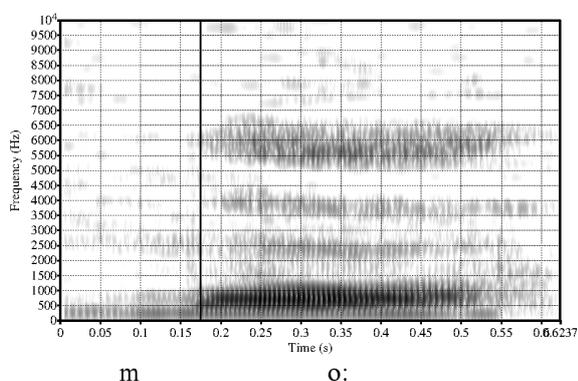

Рис. 3. Слово /mo:/ ‘дрова’ (D1)
Fig. 3. Word /mo:/ ‘firewood’ (D1)

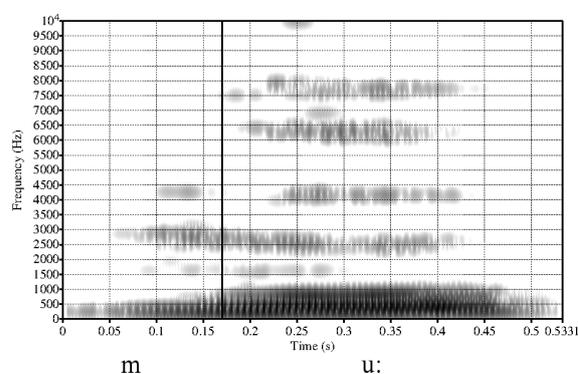

Рис. 4. Слово /mu:/ ‘вода’ (D1)
Fig. 4. Word /mu:/ ‘water’ (D1)

/β/ – губно-губной щелевой звонкий сонорный, артикулируемый с плоской щелью (рис. 5, 6). Вслед за М. И. Матусевич [Матусевич 1960, с. 156-157] для обозначения данного сонанта нами используется транскрипционный знак /β/, поскольку используемый ранее в литературе по эвенкийскому языку знак /w/ [Василевич 1948, Цинциус 1949] не отражает истинной артикуляции данного звука. В речи селемджинских эвенков данная фонема артикулируется сближенными друг к другу губами, которые образуют щель по всей их длине, губы при этом не округляются и не выпячиваются. Встречается во всех позициях реализации, например: /oβi:laha/ ‘апрель’, /βe:lika/ ‘ласточка’, /aβa:hi/ ‘черт’, /ti:niβz/ ‘вчера’, /aβdu:n/ ‘нора’, /βiβkz:/ ‘коренной житель’, /qʲiβʃz:n/ ‘косуля’, /zʲmzgzβ/ *эмэрэв* ‘мы пришли (не включая вас)’, /ge:β/ ‘мой друг’. В конечной позиции слова и перед согласным фонема /β/ оглушается. В речи селемджинских Бута сонорный /β/ в позиции перед глухим согласным сохраняет свою звонкость (см. рис. 6).

/t/ – переднеязычный апикальный смычный глухой согласный (рис. 1, 7). Относительно реализации эвенкийского переднеязычного глухого смычного /t/ можно сделать следующие выводы: 1) полная спонантизация, палатализация и озвончение коррелятам согласного /t/ не свойственны; 2) в начальной позиции согласный перед гласными переднего ряда согласный /t/ подвергается аффрикатизации. В других позициях аффрикатизация согласного /t/ не отмечена; 3) в отношении способа образования согласный /t/ имеет четкий, но слабовоздушный взрыв; 4) элемент придыхательности у согласного /t/ выражен слабо; 5) имплозивные аллофоны согласного /t/ реализуются не только в позиции абсолютного конца слова, но и в препозиции к шумным и сонорным смычным согласным. Встречается во всех позициях реализации, например: /tikune:/ выражение гнева, /to:ki:/ ‘лось’, /tulin/

‘вон’ (собаке), /ata:ki:/ ‘паук’, /o:tki/ ‘декабрь’, /dʲantaki:/ ‘россомаха’, /zktʲɨkirz/ ‘март’, /a:βuptin/ ‘мочалка’, /hi:mat/ ‘скорее’, /ʃu:βit/ ‘кулик’.

/tʃ/ – переднеязычная глухая аффриката (рис. 8). Встречается во всех позициях, кроме конца слова и препозиции к согласному. Примеры употребления в слове: /tʃiβkatʃa:n/ ‘птичка’, /tʃa:pa/ ‘гнездо’, /tʃoβoki:/ ‘коготь’, /tʃuʃʊn/ ‘скребок с мелкими зубцами’, /nʲɨʃʊ:ksz/ ‘ровдуга из шкуры’, /nʲutʃi:βʊn/ ‘каркас для дымления шкур’, /sukʲɨʃz:n/ ‘топорик’, /tokʃoko/ ‘полоз на нартах’, /abultʃa:/ ‘голод’. В речи селемджинских Бута на месте аффрикаты реализуется переднеязычный апикулярный смычный мягкий /ti/. В речи дикторов других обследованных родов палатализованный [tʲ] встречается эпизодически в слабой фразовой позиции при быстром темпе артикулирования. Это обстоятельство заставляет предположить, что данная фонема в речи представителей рода Бута находится в весьма неустойчивом положении, имея тенденцию превратиться в аффрикату /tʃ/ под влиянием родной речи эвенков-односельчан, а также русского языка.

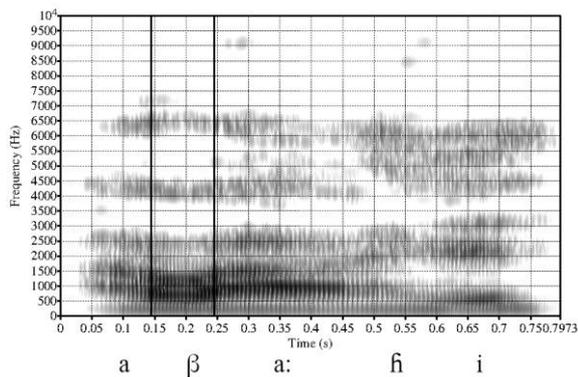

Рис. 5. Слово /aβa:hi/ ‘черт’ (D1)
Fig. 5. Word /aβa:hi/ ‘devil’ (D1)

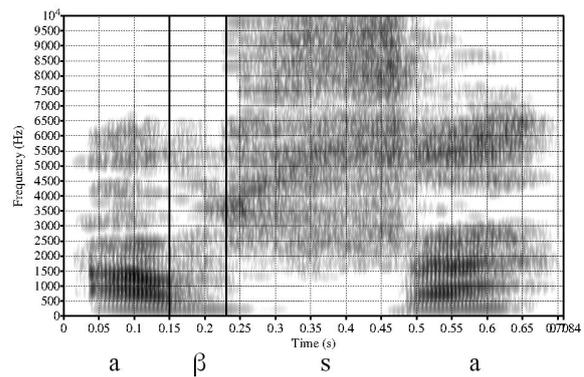

Рис. 6. Слово /aβsa/ ‘сумка для рукоделия’ (D1)
Fig. 6. Word /aβsa/ ‘a bag for needlework’ (D1)

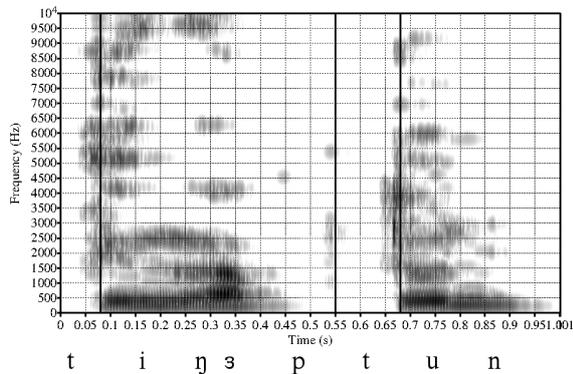

Рис. 7. Слово /tiηzptun/ ‘ремень для стягивания седла, вьюка’ (D1)
Fig. 7. Word /tiηzptun/ ‘a belt for tightening saddle or pack’ (D1)

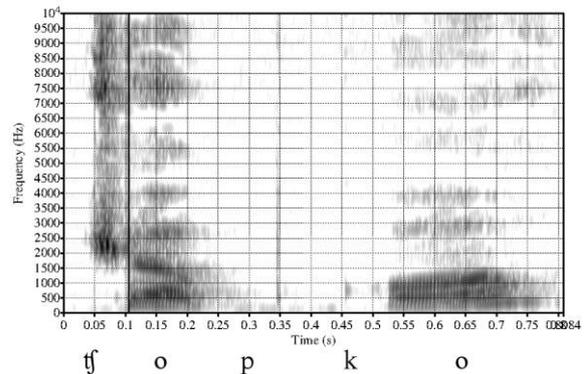

Рис. 8. Слово /tʃopko/ ‘ущелье’ (D1)
Fig. 8. Word /tʃopko/ ‘canyon’ (D1)

/d/ – переднеязычный смычный звонкий апикулярный согласный (рис. 9). Встречается во всех позициях, кроме препозиции к согласному. Реализация в конце слова ограничено сокращенным восклицанием *Mōd! Mōd!*, образованного от полного окрика на оленей – *Mōdu! Mōdu!* Перед переднерядными гласными не подвергается палатализации. Интервокальное /d/, как и в начальной позиции никогда не теряет элемента смычки, т.е. не переходит в щелевой. Примеры реализации: /dil/ ‘голова’, /dilaʃa:/ ‘солнце’, /da:ptun/ ‘устье реки’, /dun:z/ ‘земля’, /dʲɨz:n/ ‘исток, начало реки’, /gugda/ ‘высота’, /guldiβun/ ‘сговор’, /kandare:/ ‘устал’, /hugdarpi/ ‘ноябрь’.

/dʲ/ – переднеязычный смычный звонкий апикулярный палатализованный согласный (рис. 10). Реализуется без аффрицированности. Встречается во всех позициях, кроме конца слова и препозиции к согласному. Примеры употребления в слове: /dʲa/ ‘стой! (оленю)’, /dʲukz/ ‘лед’, /gudʲe:j/ ‘красота’, /dʲɨmo:/ ‘есть хочется’, /sirudʲan/ ‘сентябрь’.

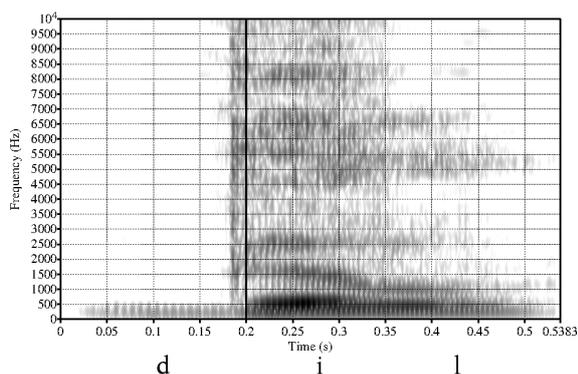

Рис. 9. Слово /dil/ ‘голова’ (D1)
Fig. 9. Word /dil/ ‘a head’ (D1)

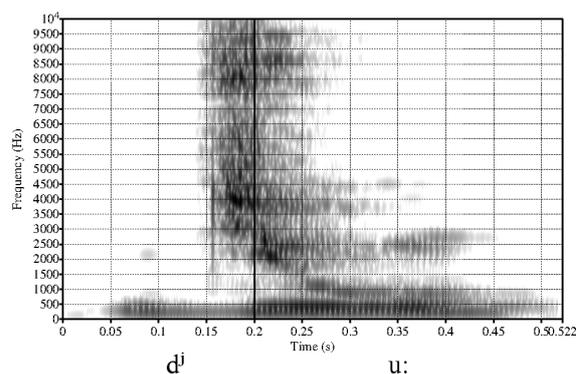

Рис. 10. Слово /dʲu:/ ‘дом’ (D1)
Fig. 10. Word /dʲu:/ ‘a house’ (D1)

/n/ – переднеязычный смычный носовой сонант апикального образования (рис. 2, 7, 11, 19, 23, 24, 28). Перед гласными переднего ряда палатализации не подвергается. В ауслауте реализация /n/ всегда имплозивна. Примеры реализации: /nan:a/ ‘кожа (животного)’, /antaŋa/ ‘склон горы (южный)’, /tɜlɜβun/ ‘распятие для сушки шкур’, /zje:n/ ‘течение’.

/nʲ/ – переднеязычный смычный носовой палатализованный сонант (рис. 12, 14). Оглушению /nʲ/ никогда не подвергается. Не употребляется в конце слова. Примеры реализации: /nʲaŋnʲa/ «небо», /tuɟznʲi:/ ‘зима’, /aŋŋa nʲi:/ ‘год’, /nʲɛŋdɜlɜ/ ‘день ясный, хороший’.

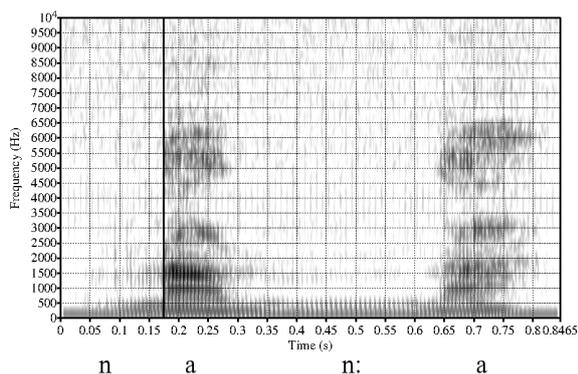

Рис. 11. Слово /nan:a/ ‘кожа (животного)’ (D1)
Fig. 11. Word /nan:a/ ‘skin (of an animal)’ (D1)

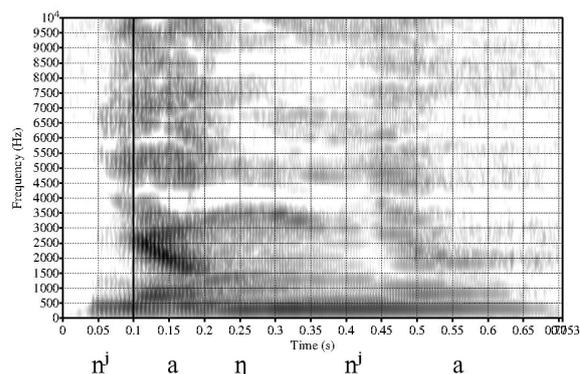

Рис. 12. Слово /nʲaŋnʲa/ ‘небо’ (D1)
Fig. 12. Word /nʲaŋnʲa/ ‘sky’ (D1)

/s/ – переднеязычный щелевой апикальный глухой согласный с плоской щелью (рис. 6, 13). Данные спектрального анализа речи эвенков Каңаи позволяют констатировать реализацию плоскощелевого /s/ в словах типа *сагды/шагды* ‘старый’, *сэктэ/шэктэ* ‘ветвь хвойного дерева’, которая отличает их речь от речи эвенков, проживающих в с. Ивановское. «Шекающий» характер («шепелявый» оттенок) придает реализации плоскощелевого /s/ плоская щель, получаемая при артикулировании распластанным языком и плоским укладом губ. По мнению Л. Р. Зиндера, акустическое различие между этими двумя типами заключается в том, что круглощелевой /s/ характеризуется высокой интенсивностью шума, а плоскощелевой /s/ – низкой. [Зиндер, 1979, с. 144] Акустическая разница между круглощелевым и плоскощелевым эвенкийским /s/ не настолько сильна, чтобы её услышать при отдельном их произнесении, но в случае сопоставления звуков обоих типов она достаточно явственна. Примеры реализации: /si:s/ «жердь горизонтальная в палатке», /suksil:a/ «лыжа», /su:ksɜ/ «взачки для унтов», /nɜjaksɜ/ «замшевые унты».

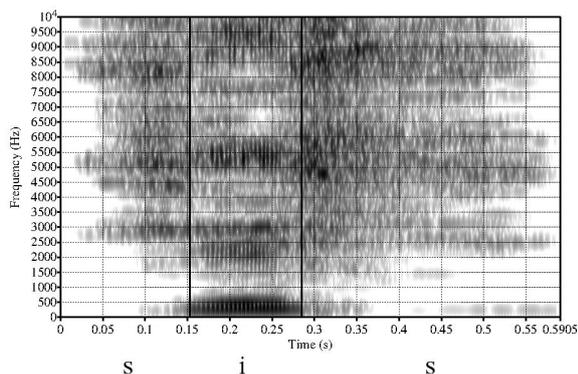

Рис. 13. Слово /sis/ ‘жердь горизонтальная в палатке’ (D1)

Fig. 13. Word /sis/ ‘horizontal pole in a tent’ (D1)

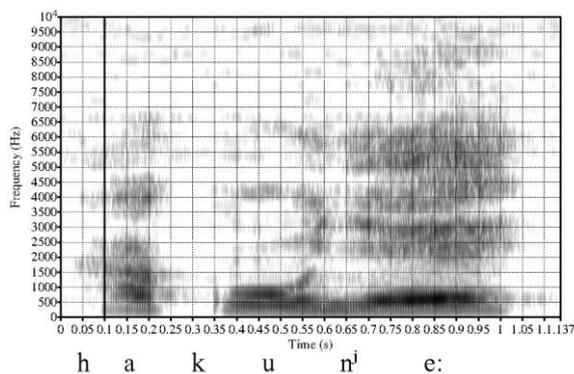

Рис. 14. Слово /hakunje:/ ‘душно’ (D1)

Fig. 14 Word /hakunje:/ ‘stuffy’ (D1)

/l/ – переднеязычный апикальный щелевой звонкий сонант (рис. 9, 15). На слух воспринимается как «европейский» /l/ немецкого или французского типа. Под влиянием русского языка в речи некоторых представителей *Эдэн* реализуется веларизованный /l/. У *Бута* часто встречается палатализованный аллофон данного согласного. Интересно, что в суффиксах повелительного наклонения 2 лица единственного числа *-kal* реализуется твердый аллофон, в суффиксе *-kzl* – мягкий, например: /gakal/ ~ /surukzl/. Помимо этого, конечный /l/ чаще всего имплозивный. Примеры реализации: /lu:/ ‘смола’, /uliβun/ ‘весло’, /gu:la/ ‘склон горы (северный)’, /dilaŋa:/ ‘солнце’, /aldiβun/ ‘тесло’, /dil/ ‘голова’.

/r/ – переднеязычный дрожащий сонант (рис. 1, 16, 20). В начальной позиции не встречается. В интервокальной позиции в своем большинстве одноударный, но нередки щелевые оттенки по типу «китайского» /r/. В конце слова часто оглушается и имеет раскатистый характер. Примеры реализации: /zri:βun/ ‘лопата’, /ŋz:ri/ ‘свет’, /turu/ ‘дощечки для привязывания ребенка к выюку’, /agi:ru:k/ ‘масленка’, /hurka/ ‘петля’, /hɜŋki/ ‘брюки’, /kaŋur/ ‘треск’.

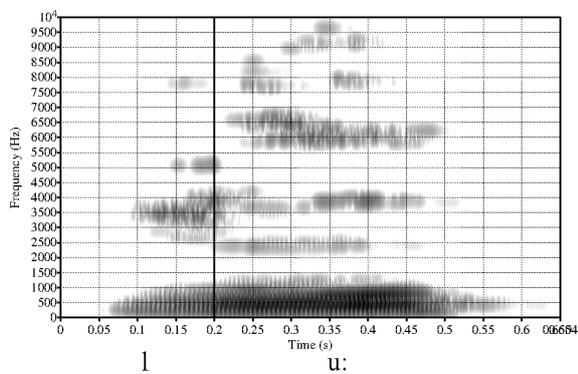

Рис. 15. Слово /lu:/ ‘смола’ (D1)

Fig. 15. Word /lu:/ ‘pitch’ (D1)

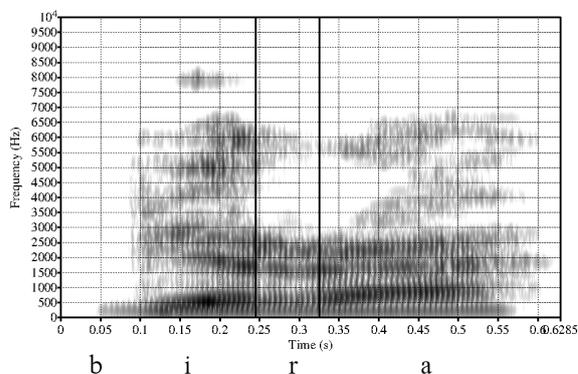

Рис. 16. Слово /bira/ ‘река’ (D1)

Fig. 16. Word /bira/ ‘river’ (D1)

/j/ – среднеязычный щелевой звонкий сонант (рис. 17). Реализуется во всех позициях слова. Примеры реализации: /ja:ŋ/ ‘сопка, голец’, /ju:ktɜ/ ‘родник’, /majaki:t/ ‘качели’, /najaksa/ ‘замшевые унты’, /dʌlja aŋin/ ‘безумие’, /zje:n/ ‘течение’, /siŋkɜj/ ‘алюминий’.

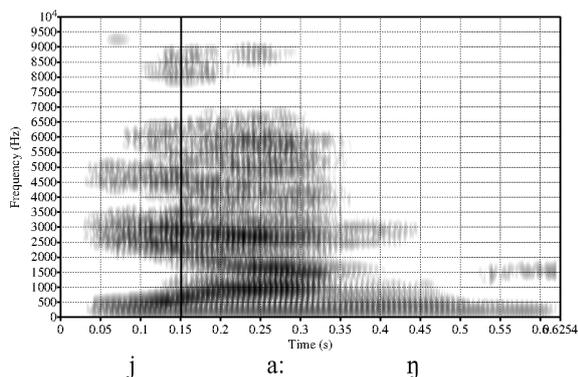

Рис. 17. Слово /ja:ŋ/ 'сопка' (D1)
Fig. 17. Word /ja:ŋ/ 'hill' (D1)

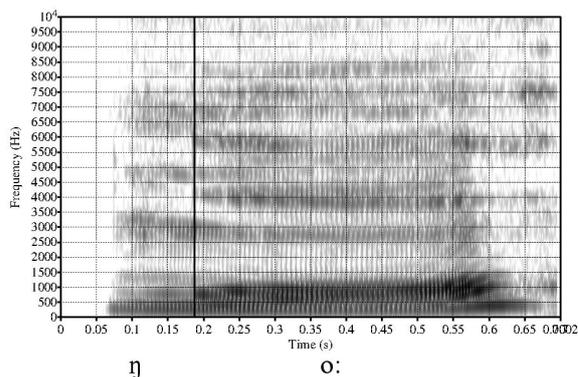

Рис. 18. Слово /ŋo:/ 'вонь' (D1)
Fig. 18. Word /ŋo:/ 'stink' (D1)

/k/ – заднеязычный смычный глухой согласный (рис. 19). К его типичным аллофонам можно отнести придыхательные, спирантизованные, увулярные, палатализованные, имплозивные и смычно-гортанные аллофоны /k/, которым не свойственно полное озвончение. Аффрикации эвенкийский /k/ подвержен только в начальной позиции перед гласными переднего ряда. Зафиксированная широкая вариативность /k/ коррелирует с гармонией гласных, а также зависит от фразовой позиции (начало, середина, конец высказывания), от позиции в слове. Примеры реализации: /kuβaŋaŋna/ 'стружки', /tʃu:ka/ 'трава', /buktz/ 'шишка на льду реки, из которой вырывается вода', /utkz:n/ 'длинный нож, пальма', /hɜkzβun/ 'веревка', /i:ŋɪnz/ 'муравейник'.

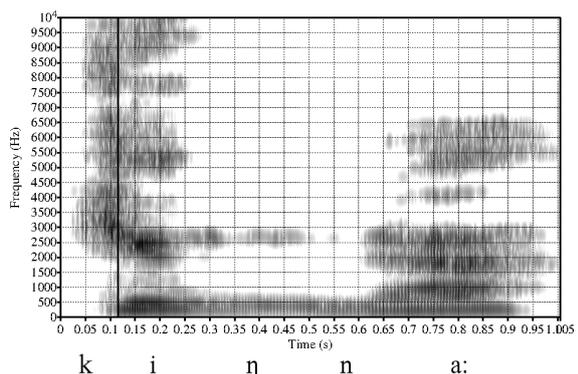

Рис. 19. Слово /kiŋna:/ 'лыжа' (D1)
Fig. 19. Word /kiŋna:/ 'a ski' (D1)

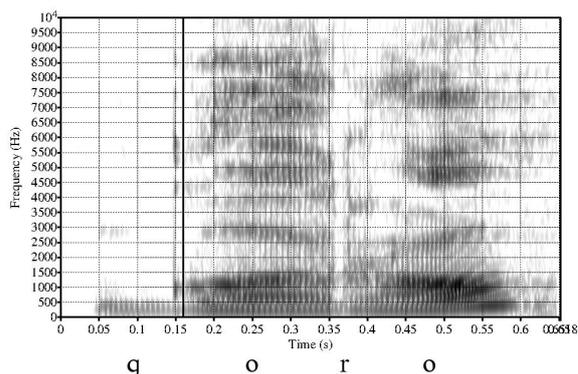

Рис. 20. Слово /goro/ 'даль' (D1)
Fig. 20. Word /goro/ 'distance' (D1)

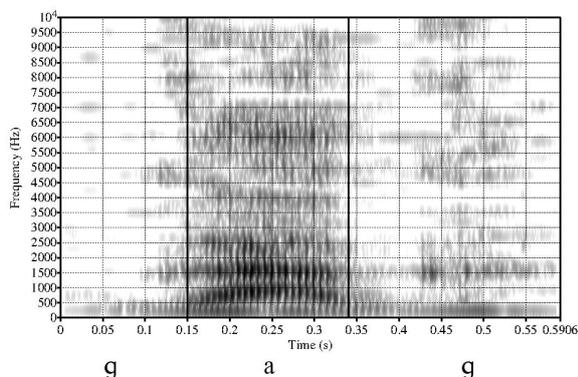

Рис. 21. Слово /gag/ 'лебедь' (D1)
Fig. 21. Word /gag/ 'a swan' (D1)

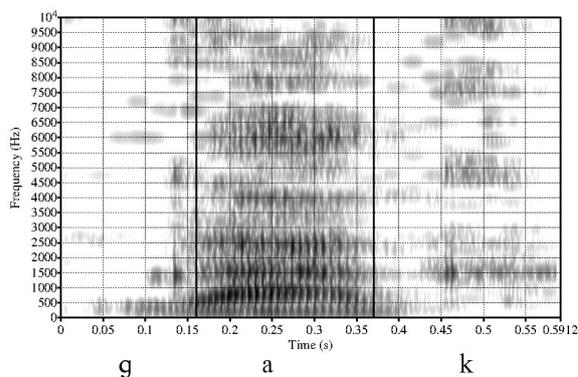

Рис. 22. Слово /gak/ 'лебедь' (D1)
Fig. 22. Word /gak/ 'a swan' (D1)

/g/ – заднеязычный смычный звонкий согласный (рис. 20, 21). В селемджинском говоре встречается во всех позициях. Звонкость начального и интервокального /g/ всегда сохраняется. Интервокаль-

ное /g/ реализуется смычным либо щелевым. В позиции абсолютного конца слова может чередоваться с глухой парой – /k/ (см. рис. 19, 20). Перед гласными переднего ряда палатализуется. Примеры употребления: /gogo/ ‘даль’, /gu:la/ ‘северный склон горы’, /buga/ ‘окружающий мир, родина’, /antaga/ ‘южный склон горы’, /gag/ ~ /gak/ ‘лебедь’.

/ŋ/ – заднеязычный смычный носовой сонант (рис. 18). Палатализуется перед гласными переднего ряда. Встречается во всех позициях слова. Примеры реализации: /ŋo:/ ‘вонь’, /ŋz:gi/ ‘свет’, /koŋno/ ‘чернота’, /dzɔŋŋidz:/ ‘левая сторона’, /ja:ŋ/ ‘сопка, голец’.

/h/ – фарингальный глухой щелевой согласный (рис. 14). В речи представителей Бута начальный /h/ очень легкий, едва различимый. В интервокальной позиции реализуется озвонченный аллофон [h] в речи эвенков всех родов групп. В конечной позиции /h/ не встречается. Примеры реализации: /hi:βɔβun/ ‘точильный камень’, /halka/ ‘молоток’, /hu:βun/ ‘пила’, /uhiβun/ ‘ножницы’, /toɣoɣo/ ‘гвоздь’, /o:hika:kta/ ‘созвездие’.

Число гласных, входящих в фонологическую систему селемджинского говора, в их количественном отношении сравнительно невелико. Имеется всего 11 гласных, образующих оппозиции: 1) по признаку ряда: гласные переднего (i, i:, e:, a, a:), центрального (э, э:), заднего (u, u:, o, o:) рядов; 2) по признаку подъема: гласные верхнего (i, i:), среднего (e:, э, э:, o, o:), нижнего (a, a:) подъемов; 3) по признаку долготы-краткости: гласные долгие (i:, u:, э:, o:, a:) и краткие (i, u, э, o, a). Гласный переднего ряда среднего подъема /e:/ не имеет краткой пары.

Таблица 2

**Артикуляционная классификация гласных фонем
в селемджинском говоре эвенкийского языка**

По ряду		Передний ряд		Центральный ряд		Задний ряд	
		негубные	губные	негубные	губные	негубные	губные
Верхний	узкая	i:					u:
	широкая	i					u
Средний	узкая						o:
	широкая	e:		э			o
Нижний	узкая						
	широкая	э:		a:	a		

Артикуляционное описание гласных звуков селемджинского говора эвенкийского языка

/i:/ – неогубленный долгий гласный переднего ряда верхнего подъема узкой разновидности (рис. 23). Формантные характеристики составляют 359–2406 Гц (F1–F11 соответственно), средняя длительность – 288 мс. Минимальная пара (квазиомонимы), демонстрирующая смыслоразличительную функцию фонем /i:/ и /i/ для селемджинского говора следующая: /i:n/ ‘жизнь’ – /in/ ‘вьюк’ (рис. 23–24). Встречается во всех позициях в слове, например, /i:du:/ ‘где’, /i:ki:t/ ‘вход’, /i:tʃa:n/ ‘локоть’, /tʃti:/ ‘одежда’.

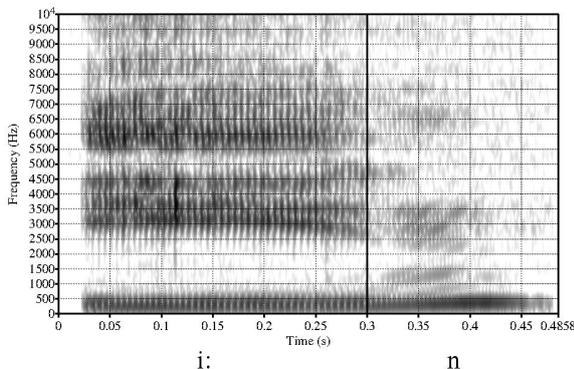

Рис. 23. Слово /i:n/ ‘жизнь’ (D2)
Fig. 23. Word /i:n/ ‘life’ (D2)

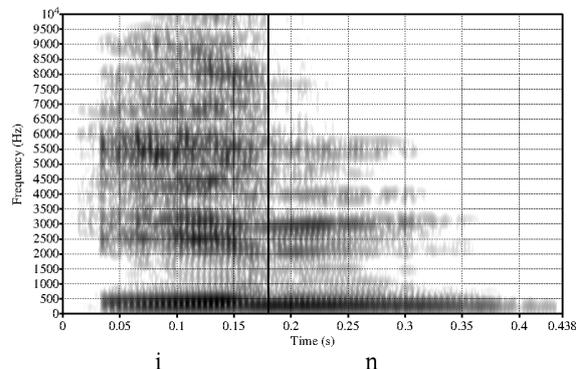

Рис. 24. Слово /in/ ‘вьюк’ (D1)
Fig. 24. Word /in/ ‘a load pack’ (D1))

/i/ – неогубленный краткий гласный переднего отодвинутого назад ряда верхнего подъема широкой разновидности (рис. 24). Формантные характеристики составляют 461–2275 Гц (F1–F2 соответственно), средняя длительность – 90 мс. Примеры реализации: /in/ ‘вьюк’, /iʃʲiʃʲi/ ‘женская летняя обувь из ровдуги’, /o:hika:kta/ ‘созвездие’, /dilaʃʲa:/ ‘солнце’, /ɲz:ri/ ‘свет’.

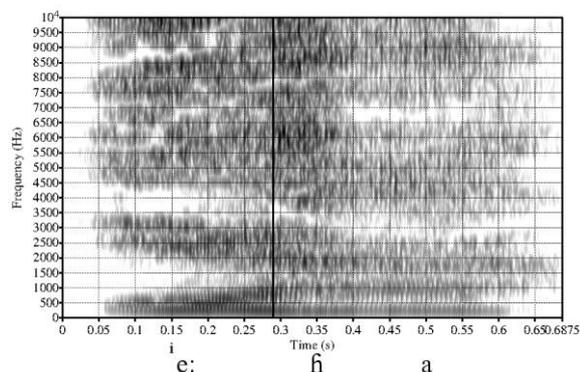

Рис. 25. Слово /e:ha/ ‘глаз’ (D1)
Fig. 25. Word /e:ha/ ‘an eye’ (D1)

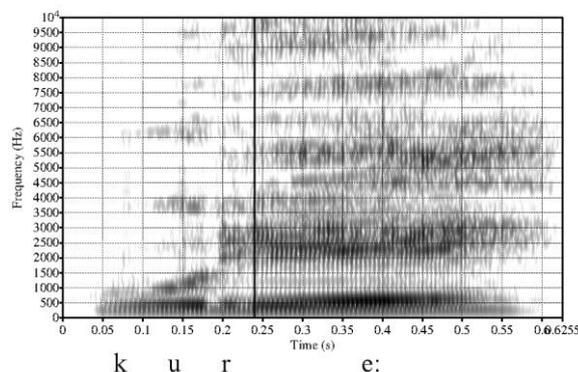

Рис. 26. Слово /kure:/ ‘загон’ (D1)
Fig. 26. Word /kure:/ ‘an enclosure’ (D1)

/e:/ – неогубленный долгий гласный переднего ряда среднего подъема широкой разновидности (рис. 25, 26). Формантные характеристики составляют 553–2066 Гц (F1–F2 соответственно), средняя длительность – 210 мс. Например, /e:ha/ ‘глаз’, /zje:n/ ‘течение’, /e:haptun/ ‘очки’, /kure:/ ‘загон’.

/a:/ – неогубленный долгий гласный центрального ряда нижнего подъема широкой разновидности (рис. 27). Формантные характеристики составляют 917–1571 Гц (F1–F2 соответственно), средняя длительность – 203 мс. Примеры реализации: /a:dʲami:/ ‘спать’, /a:ptʃa:/ ‘сгоревший’, /da:ptun/ ‘устье реки’, /o:hika:kta/ ‘созвездие’, /dilaʃʲa:/ ‘солнце’.

/a/ – неогубленный краткий гласный центрального ряда нижнего подъема широкой разновидности (рис. 28). Формантные характеристики составляют 835–1542 Гц (F1–F2 соответственно), средняя длительность – 85 мс. Примеры реализации: /amin/ с прит. суф. ‘отец’, /antaga/ ‘склон горы (южный)’, /malu:/ ‘почетное место для гостей’, /qu:la/ ‘склон горы (северный)’, /o:hika:kta/ ‘созвездие’.

/o:/ – огубленный долгий гласный заднего ряда среднего подъема узкой разновидности (рис. 29). Формантные характеристики составляют 563–983 Гц (F1–F2 соответственно), средняя длительность – 268 мс. Примеры реализации: /o:kin/ ‘когда’, /o:hika:kta/ ‘созвездие’, /mo:/ ‘дрова’, /do:gu:/ ‘нижнее белье’.

/o/ – огубленный краткий гласный заднего продвинутого ряда среднего подъема широкой разновидности (рис. 30). Формантные характеристики составляют 611–1164 Гц (F1–F2 соответственно), средняя длительность – 76 мс. Примеры реализации: /oŋkuʃʲak/ ‘ямка’, /bolohik/ ‘осенняя одежда’.

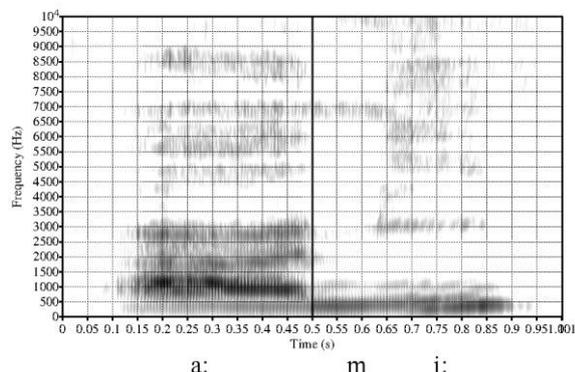

Рис. 27. Слово /a:mi:/ ‘спать’ (D1)
Fig. 27. Word /a:mi:/ ‘to sleep’ (D1)

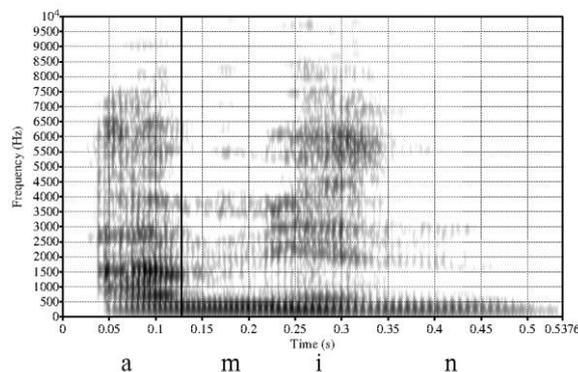

Рис. 28. Слово /amin/ ‘отец’ (D1)
Fig. 28. Word /amin/ ‘father’ (D1)

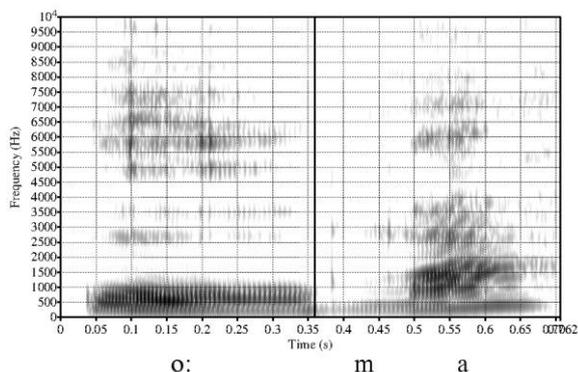

Рис. 29. Слово /o:ma/ 'лепешка пресная' (D1)
Fig. 29. Word /o:ma/ 'unleavened bread' (D1)

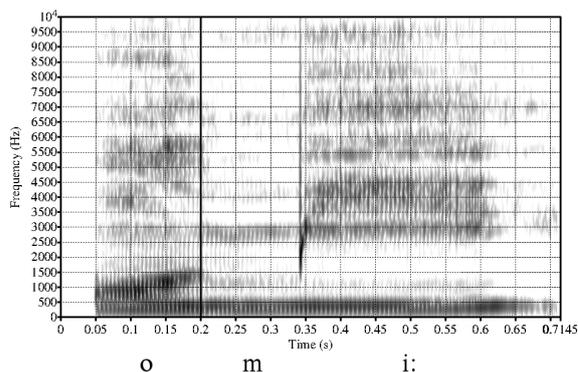

Рис. 30. Слово /omi:/ 'душа' (D1)
Fig. 30. Word /omi:/ 'sole' (D1)

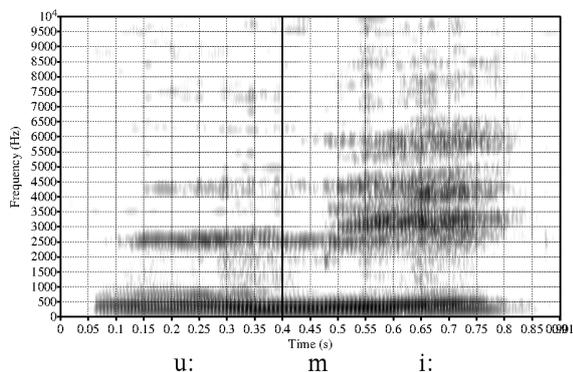

Рис. 31. Слово /u:mi:/ 'скоблить кожу' (D1)
Fig. 31. Word /u:mi:/ 'to scrape a skin of an animal' (D1)

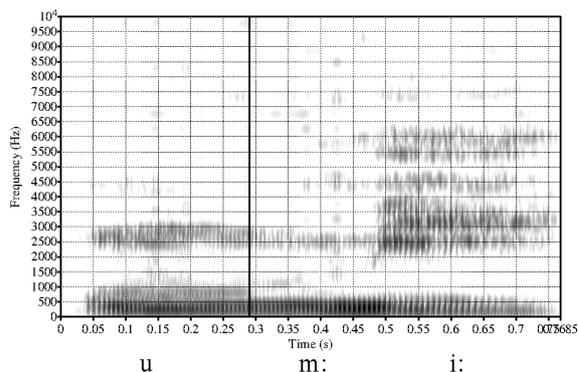

Рис. 32. Слово /umi:/ 'пить' (D2)
Fig. 32. Word /umi:/ 'to drink' (D2)

/u:/ – огубленный долгий гласный заднего ряда высокого подъема узкой разновидностью (рис. 31). Формантные характеристики составляют 388–834 Гц (F1–F2 соответственно), средняя длительность – 344 мс. Примеры реализации: /u:/ 'скребок', /u:ksz/ 'рукав', /qu:la/ 'склон горы (северный)', /ʃu:ka/ 'трава', /ju:ktz/ 'родник', /su:ksz/ 'вязочки для унтов', /malu:/ 'почетное место для гостей'.

/u/ – огубленный краткий гласный заднего продвинутого вперед ряда высокого подъема широкой разновидностью (рис. 32). Формантные характеристики составляют 451–1053 Гц (F1–F2 соответственно), средняя длительность – 95 мс. Примеры реализации: /uluki:/ 'белка', /ugu:p/ 'копыто', /murufun/ 'короб для хранения предметов для рукоделия', /tugu/ 'дощечки для привязывания ребенка к вьюку', /kuge:/ 'загон, изгородь'.

/z:/ – неогубленный долгий гласный переднего ряда среднего подъема широкой разновидностью (рис. 33). Формантные характеристики составляют 498–1946 Гц (F1–F2 соответственно), средняя длительность – 149 мс. Чаще всего подобный гласный мы встречаем в местоимениях типа /z:kudi/ 'какой, который', /z:kudival/ 'кто-нибудь', /z:kup/ 'что'. В остальных позициях слова гласный является [æ]-образным звуком, формантные характеристики которого в среднем составляют 860 – 1785 Гц (F1–F2 соответственно), например, /ʒz:gi/ 'свет', /nz:li/ 'нагрудник', /kzdzrz:/ 'скребок с деревянной ручкой', /biʃkz:/ 'житель коренной'.

/z/ – неогубленный краткий гласный центрального ряда среднего подъема широкой разновидностью (рис. 34). Формантные характеристики составляют 514–1431 Гц (F1–F2 соответственно), средняя длительность – 68 мс. Примеры реализации: /z/ 'это', /zgzki:/ 'коричневая лягушка', /zje:p/ 'течение', /tzi:/ 'одежда', /szp/ 'карман', /hzki/ 'брюки', /ju:ktz/ 'родник'.

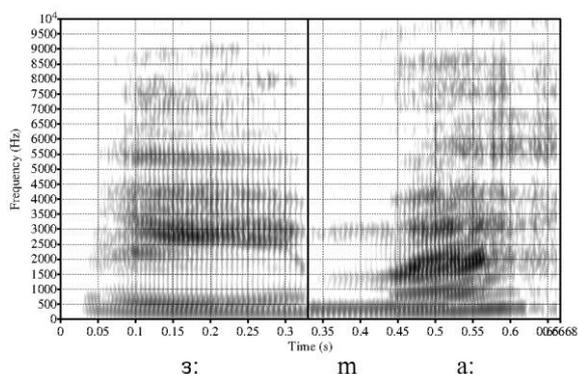

Рис. 33. Слово /z:ma:/ 'какой' (D2)
Fig. 33. Word /z:ma:/ 'what' (D2)

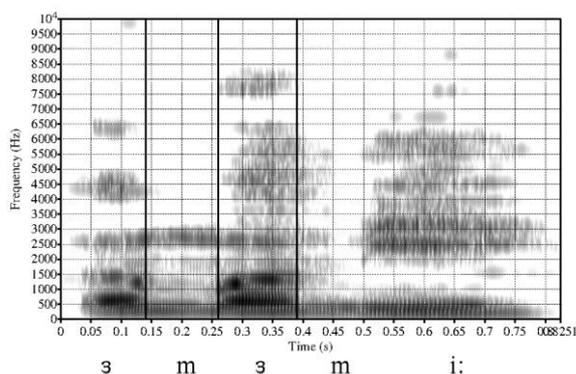

Рис. 34. Слово /zmzmi:/ 'прийти' (D2)
Fig. 34. Word /zmzmi:/ 'to come' (D2)

Таким образом, при изучении звуковых образцов речи селемджинских эвенков были выявлены следующие фонетические явления.

1. Произнесение а-образных аллофонов на месте кратких и длинных гласных центрального ряда среднего подъема /з/ и /з:/. Полученные данные позволяют сделать вывод об «акающем» характере исследуемого селемджинского говора. В ходе записи словарного материала дикторы испытывают затруднения при озвучивании словоформ, письменная форма которых отражает нормативный «экающий» вариант произношения, который свойственен литературному эвенкийскому языку.

2. Сохранность противопоставления долгих и кратких гласных. На нашем материале относительно длительности эвенкийских гласных существуют следующие закономерности. В группе долгих гласных отмечено, что чем более закрытый гласный, тем больше его квантитативная характеристика. В группе кратких гласных самыми длительными являются гласные основного треугольника /i-a-u/. Самой меньшей длительностью в обеих группах обладают гласные /з:-з/.

3. Различие по долготе эвенкийских гласных сопутствует их различию по качеству. Акустические характеристики долгих и кратких гласных селемджинского говора позволяют констатировать данный факт, что не совпадает с ранее полученными данными литературных источников.

4. Отсутствие придыхания у смычных глухих, основным признаком для различения пар /p-b/, /t-d/, /k-g/ является поведение голосовых связок. Если ранее экспериментальные исследования фиксировали нерелевантность работы голосовых связок при образовании эвенкийских согласных (ДП «звонкость/глухость») [Матусевич 1960, с. 134], то в настоящее время при характеристике эвенкийского консонантизма данный параметр следует учитывать. В целом, консонантизм селемджинского говора эвенкийского языка разворачивается по пути озвончения под влиянием русского языка, в котором консонантная система базируется на оппозиции по глухости/звонкости.

5. Широкая вариативность шумных смычных согласных.

Список литературы

- Андреева Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. Новосибирск, 1988.
- Болдырев Б. В., Быкова Г. В., Варламова Г. И., Афанасьева Л. А. Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области. Ч. 1. Благовещенск, 2013.
- Булатова Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Л., 1987.
- Булатова Н. Я., Морозова О. Н., Стручков Г. А. Звуковой эвенкийско-русско-английский тематический словарь. Благовещенск, 2017.
- Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948.
- Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
- Зиндер Л. Р. Общая фонетика: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979.
- Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.; Л., 1964.
- Матусевич М. И. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Ученые записки ЛГУ № 237. Серия филол. наук. Вып. 40. Л., 1960. С. 132–169.

Морозова О. Н. Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийского языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 1(1). Благовещенск, 2015. С. 74–85.

Селютина И. Я. Сравнительная характеристика среднеязычных согласных в тюркских языках Южной Сибири (по данным МРТ) // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 1(2) / Отв. ред. С. В. Андросова. Благовещенск, 2015. С. 94-104.

Сравнительное исследование артикуляционных баз народов Сибири методами высокопольной магнитно-резонансной томографии, цифровой рентгенографии и ларингографии высокого разрешения. Проект №121. Отчет-2013 / Н.С. Уртегешев, А.И. Шевела, А.А. Тулупов, И.Я. Селютина. Новосибирск, 2013. 16 с. Режим доступа: <http://philology.nsc.ru/departments/lefir/report/IntegracionnyyProekt121Otchet2013.pdf>

Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.

Список дикторов

D1 – (диктор 1) – Стручков Геннадий Афанасьевич, 1954 года рождения, род Бута, с. Ивановское Селемджинского района Амурской области;

D2 – (диктор 2) – Булатова Надежда Яковлевна, 1938 года рождения, род Эдян, место проживания – г. Санкт-Петербург, место рождения – с. Селемджинск Селемджинского района Амурской области;

D3 – (диктор 3) – Яковлева Наталья Афанасьевна, 1975 года рождения, род Каңай, место проживания – г. Благовещенск, место рождения – р. Джелтула Амурской области;

D4 – (диктор 4) – Яковлева Светлана Семеновна, 1945 года рождения, род Каңай, место проживания – с. Дугда Зейского района, место рождения – р. Джелтула Амурской области;

D5 – (диктор 5) – Тимофеева Елена Анатольевна, 1963 года рождения, род Бута, с. Ивановское Селемджинского района Амурской области;

D6 – (диктор 6) – Софронова Татьяна Николаевна, 1939 года рождения, род Эдян, место проживания с. Ивановское Селемджинского района Амурской области, место рождения – п. Болодек Хабаровского края.

Список сокращений

ДП – дифференциальный признак;

FI – первая форманта гласного;

FII – вторая форманта гласного.

Названия говором селемджинского говора эвенкийского языка:

дж. – желтулакский, зейс. – зейский, слмдж. – селемджинский

O. N. Morozova, T. V. Kravets

The Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation;
morozova_olga06@mail.ru, t_kravetc@mail.ru

Phonetic portrait of Selemdzha Evenks

The article presents a phonetic portrait of Selemdzha Evenks' speech. We divide Selemdzha Evenks into two groups: those who compactly live in village Ivanovskoye (Selemdzhinsky district, Amur region) and the others of Kaңai kin who dispersely live in their hunting territory (Mazanovsky district, Amur region). We analyse the speech of the following Evenki kins such as Boota, Edyan, Lalgir (Lalegerdar), Kumkada, Kaңai, Meңemnu (Moңo). In the paper heterogeneity of the Selemdzha Evenks' speech is revealed, but, in general, differences in vowels and consonant realization are small. The characteristic feature of oral Selemdzha Evenki speech consists of wide distribution of the phoneme /a:/. This feature is inherent in every eastern Evenki dialect. Kaңai kin actively uses the Evenki language in daily communication. Kaңai representatives preserve apical articulation of /t, d, dj, n, n'/ phonemes. Their speech is characterized by rather voiceless fricative dental [θ] than voiceless fricative apical [s]. Nowadays Selemdzha Evenki is hardly influenced by the Yakut and Russian languages. Striking traits of interference of Evenki and Russian languages are already

clearly noticeable in the national speech of the old Selemdzha Evenks. At the sound level it should be noted a velarization of sonorant /l/, coexistence of voiceless plosive palatalized apical [tʃ] and voiceless palatalized affricate [tʃʃ] of allophones for the phoneme /ʃ/. Due to Yakut phonologic system influence, the Selemdzha Evenks' speech is illustrated by strong roundedness of back vowels /u, u: o, o:/. The Russian-Yakut accent in the Selemdzha Evenks' speech can be characterized as stable because it is integral component of every dictors' speech who have participated in recording. The article presents differential features of consonant and vowel phonemes, distribution of phonemes in the initial, intervocal and final positions of the word, the dynamic spectrograms showing realization of allophones of consonants and vowels. Concerning vowels we investigate their formant structure (the first and second formants) and duration of long and short vowels. Acoustic characteristics of Selemdzha Evenki long and short vowels allow to state their distinction in quality that doesn't coincide with earlier obtained data. The results also demonstrate the lack of aspiration in realization of voiceless plosive consonants, the main feature for distinction of couples /p-b/, /t-d/ /k-g/ is behavior of vocal chords.

Keywords: phonetic portrait, Selemdzha Evenki language, vowels, consonants, acoustic characteristics.

References

- Andreeva T.E. *Zvukovoy stroy tommotskogo govora evenkiyskogo yazyka* [Sound system of the Tommot Evenki language]. Novosibirsk, 1988.
- Boldyrev B.V., Bykova G. V., Varlamova G. I., Afanas'eva L. A. *Slovar' selemdzhinskogo govora evenkov Amurskoy oblasti. Ch.1.* [Dictionary of Selemdzha Accent of Amur Region Evenks. Part 1]. Blagoveshchensk, 2013.
- Bulatova N.Ya. *Govory evenkov Amurskoy oblasti* [Accents of Amur Region Evenks]. Leningrad, 1987.
- Bulatova N.Ya., Morozova O. N., Struchkov G. A. *Zvukovoy evenkiysko-russko-angliyskiy tematicheskiy slovar.* [Sound Evenki-Russian-English Thematic Dictionary]. Blagoveshchensk, 2017.
- Vasilevich G.M. *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Outlines of Evenki (Tungus) language dialects]. Leningrad, 1948.
- Vasilevich G.M. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow, 1958.
- Zinder L.R. *Obshchaya fonetika: Ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop.* [General Phonetics: Textbook. 2nd edition, revised. and add.]. Moscow, 1979.
- Konstantinova O.A. *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow, Leningrad, 1964.
- Matusevich M.I. *Ocherk sistemy fonem erbogochenskogo govora evenkiyskogo yazyka na osnove eksperimental'nykh dannykh* [Outline of Phonemic System of Erbogochen Evenki Language on Exsperimental Database]. In: *Uchenye zapiski LGU № 237. Seriya filol. nauk. Vyp. 40.* [Scientific Notes LGU № 237. Series of Philological Sciences. Issue 40]. Leningrad, 1960, pp. 132-169.
- Morozova O.N. *Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki peredneyazychnogo glukhogo smychnogo /t/ v evenkiyskogo yazyke* [Articulatory-Acoustic Characteristics of Front-Lingual Voiseless Plosive /t/ in the Evenki Language]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Vyp. 1(1).* [Theoretical and Applied Linguistics. Issue 1(1)]. Blagoveshchensk, 2015, pp. 74-85.
- Selyutina I.Ya. *Sravnitel'naya kharakteristika sredneyazychnykh soglasnykh v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri (po dannym MRT)* [Comparative Characteristics of Mediolingual Consonants in the Turkic Languages of South Siberia (MRT investigation)]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Vyp. 1(2).* [Theoretical and Applied Linguistics. Issue 1(2)]. Blagoveshchensk, 2015, pp. 94-104.
- Sravnitel'noe issledovanie artikulyatsionnykh baz narodov Sibiri metodami vysokopol'noy magnitno-rezonansnoy tomografii, digital'noy rentgenografii i laringografii vysokogo razresheniya. Proekt №121. Otchet 2013. [Comparative Research of Articulatory Bases of Siberia Folks by Methods of Magnetic Resonance Image, Digital X-ray Radiography and Laryngography of High Resolution. Project # 121. Report 2013. / N.S. Urtegeshev, A.I. Shevela, A.A. Tulupov, I.Ya. Selyutina. Novosibirsk, 2013. http://philology.nsc.ru/departments/lefi/report/Integracionnyi_Proekt_121_Otchet_2013.pdf
- Tsintsius V.I. *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Phonetics of Tungus-Manchu Languages]. Leningrad, 1949.